

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию

Новосёловой Евгении Олеговны «Влияние западной исторической науки на формирование японской буддологии в конце XIX – начале XX вв.» на

соискание ученой степени кандидата исторических наук

по специальности 5.6.2. Всеобщая история

Диссертационное исследование Е.О. Новосёловой посвящено чрезвычайно актуальной проблематике истории гуманитарных наук в контексте проблематики культурного трансфера. Следует сразу оговориться, что специфика предмета, о котором подробнее будет сказано далее, определяла пристальное внимание автора к национальной французской и немецкой историографии, что выгодно отличает работу в условиях почти тотального следования руслу англо-американских теоретических и источниковедческих наработок. Е.О. Новоселовой своевременно избрана весьма интересная тематика перехода традиционной японской буддологии в условиях формирования религиоведения как науки на Западе XIX-XX вв. и кристаллизации японской модели буддологической дисциплины. В настоящее время, как точно подмечено автором, в научном сообществе существует определенный запрос на ревизию религиоведческой терминологии и в принципе понятия религии как таковой. Исследование обращено к развитию научного аппарата религиоведения в специфических культурных и цивилизационных условиях Японии транзитивного периода – от поздней эпохи Токугава и эр Мэйдзи и Сёва, а также ставит вопрос о японском вкладе в глобальные буддологические исследования.

Отдельного внимания заслуживает задействованная автором теоретико-методологическая база. Е.О. Новоселова поставила фокусом соответствующего раздела теорию культурного трансфера М. Эспаня и М. Вернера, которую противопоставляет базовому для востоковедческих дисциплин компаративизму по принципу «динамика – статика», «закрытость – открытость». Мы склонны согласиться с аргументом о том, что компаративный метод требует тождества сравниваемых объектов, которое не срабатывает при исследовании неидентичных культур, что побуждает искать или конструировать данные тождества искусственно. Базовая методология изложена во введении к диссертации весьма наглядно и, можно сказать, образцово, принимая во внимание всю многомерность исследуемой ситуации. Весьма наглядно выглядит и перечень используемых специально-исторических и общенаучных методов.

Работу следует признать построенной на весьма достойной базе источников и литературы. Во введении представлены примечательные перечни, обозначенные как «Теоретическая основа исследования» и «Эмпирическая основа исследования», и если источниковая база (а именно она таится под вторым заголовком) замечательно структурирована, то «Теоретическая основа», к несчастью, представляет собой перечисление, которому не хватает аналитичности. В библиографии перечислены 98 позиций источников (на японском, русском, китайском, английском, немецком и французском языках), круг которых достаточно обоснован. Секция научно-аналитической литературы включает 182 библиографические единицы на тех же языках. Эта информационная база позволяет достаточно фундировать теоретические и аналитические разделы разбираемой диссертации и делает тезисы, выносимые на защиту и выводы диссертанта весьма обоснованными. Однако при изучении историографического и источниковедческого раздела и библиографии у нас лично возникло два вопроса. С иллюстративной целью в диссертации упомянут важный источник по истории буддизма в Корее «Самгук юса» (с. 37, прим. 42 на той же странице и №98 библиографии на с. 242). Этот источник представлен в переводе на современный китайский язык, изданном в Цзилينه в 2003 г., и вызывает закономерный вопрос о необходимости привлечения именно китайского перевода. Российская историография располагает превосходным комментированным переводом Ю.В. Болтач, вышедшим в 2018 г. и доступным даже в электронном виде. Равным образом, существуют как минимум два научных перевода на английский язык, изданных в Сеуле, а прямо во время написания этого отзыва мы получили сведения о выходе ещё одного перевода на английский язык. В секции научной литературы некоторое недоумение вызвало отсутствие фундаментальной монографии А.А. Толстогузова «Японской исторической науки. Очерки истории» (2005), использование которой помогло бы несколько иначе расставить акценты в п. 1.1.

Научная новизна диссертации не вызывает сомнений и обусловлена сменой парадигмы исследования, когда внедрение идейного наследия европейских научных школ в японскую науку (на примере религиоведения) рассматривается как гибридизация, а не заимствование. Предложена авторская периодизация формирования академической японской буддологии, обоснованы уникальные черты японской буддологической школы в ее отличии от западных. Новой для отечественной историографии (и буддологии вообще) является демонстрация интеллектуального обмена как коммуникативной сети, способствующих передаче идей.

Положения, выносимые на защиту, сформулированы чётко и наглядно, логически вытекают из содержания диссертации, и в достаточной степени аргументированы в тексте работы. Структура диссертации определяется поставленными целями и задачами, архитектура должна быть признана оптимальной, характеризующей последовательностью и внутренней связностью. Её описание в отдельной секции введения, несомненно, помогает читателю диссертации.

Целью работы заявлен «детальный анализ академизации японской буддологической дисциплины по европейскому образцу на рубеже XIX-XX веков посредством рецепции европейских научных знаний в японской буддологии». Для раскрытия цели сформулированы 7 задач. Вынуждены отметить, что композиция работы более дробная, нежели сформулировано во введении. Это, безусловно, является достоинством при раскрытии столь сложной и многомерной задачи, но не соответствует принятым стандартам. В частности, оказывается, что три параграфа первой главы соответствуют всего одной исследовательской задаче, что внешне обедняет исследование.

В первой главе «Критический подход к буддизму в Японии в период Токугава» рассмотрен весьма обширный хронологический период и ряд важнейших лейтмотивов всего исследования. Здесь мы вынуждены вернуться к указанному выше вопросу о неиспользовании монографии А.А. Толстогузова. Выделенные в первом параграфе политические и экономические предпосылки появления явления, обозначаемого как японская буддология эпохи Токугава, на наш взгляд, изложены смело, но всё-таки не позволяют заявить однозначно о «кризисе институционализированного буддизма, уступившего свое влияние конфуцианству». Подобное явление диагностируется для соседней Кореи династии Ли (государство Чосон), а вот для японских реалий подобные формулировки представляются упрощенными (или чрезмерно обобщенными), хотя бы из соображения, что политическая ситуация в Японии и суть обслуживающей центральные и региональные центры власти историографии существенно отличались в XIII и XVII вв. В этом плане, безусловно, было бы лучше сослаться на авторитет признанного специалиста, и сосредоточиться на конкретном анализе понятийного аппарата, что представляет самую сильную сторону авторского подхода. Именно сопоставление методик работы традиционных ученых с источниками позволило Е.О. Новоселовой сделать вывод, каким образом полемические произведения буддистов и конфуцианцев постепенно превращались в подлинные исследовательские работы (с. 44-45). Однако тезис на с. 48: «...сами буддисты обращаются к конфуцианской терминологии в попытке защитить свою веру от критики», на наш взгляд мог

бы быть конкретизирован, исходя из того, что даже в буддийской среде конфуцианские каноны от самого процесса восприятия континентальной культуры являлись стандартными учебными текстами, что и делало конфуцианскую терминологию и картину мира, по меньшей мере, общепонятной. Очерк же начального этапа развития токугавской санскритологии мы полагаем превосходным.

Содержание второго параграфа первой главы «Школа рангаку и европейское влияние на буддизм в эпоху Токугава» ясно из его заглавия. Здесь нашлось место для рассмотрения разницы японского и европейского взгляда на так называемую «политику японской самоизоляции». Как всегда, автор базируется на терминологическом анализе, выделяя, как минимум четыре канала культурного взаимодействия токугавской Японии и внешнего мира. В данном контексте на конкретных примерах объясняется интерес рангакуся к точным, а не гуманитарным наукам, что, вероятно, в специфических условиях XVIII – XIX вв. ускоряло попытки синтеза европейского знания и японского, в частности, буддийского понятийного аппарата. Существенна здесь японоцентрическая картина мира, которая в принципе не рассматривала зарубежные страны – конкретно разнообразных «южных варваров» - как более развитых; тогда же начинается и определенная инфляция статуса Китая как Срединного государства (заметная в трудах Мотоори Норинага), что рассмотрено в следующем параграфе. Вполне уместной нам кажется употребление сочетание «конфуцианская научная теория», которая в мэйдзийскую эру породит полноценное религиоведение.

Важные аспекты поднимаются в параграфе 1.3., посвящённом, в том числе роли китайских мигрантов-интеллектуалов династии Мин в формировании школ текстологии – как конфуцианской, так и буддийской, т.е. кангаку и кокугаку. Мы совершенно согласны с тем, что методология каочжэн закрепились в японской научной мысли и осталась составной частью науки после Революции Мэйдзи. Очень отрандно включение в каждую главу отдельного выводного параграфа, отличающегося высокоцентрированным и структурированным изложением.

Хронологически вторая глава посвящена ранней эпохе Мэйдзи, характеризуемой в авторской терминологии как стадию передачи в триаде трансфера. Первый параграф целиком посвящен изменениям в положении сангхи эпохи Мэйдзи в связи с политикой формирования институтов официального синтоизма и системы образования (сочетающей «японский дух» и европейскую науку). Автор предложила классификацию деятелей мэйдзийского буддизма, заинтересованных в изучении и продвижении их

вероучения, а также их европейских аналогов, как работавших в западных интеллектуальных центрах, так и прибывавших в Японию по контракту.

Параграф 2.2. посвящён межкультурной медиации японской буддологии в академической среде. Отсчёт ведётся от участия Мокурая Симадзи и Умэгами Такую в «Миссии Ивакура» и формирования круга первых буддологов, ориентированных на индийскую традицию, воспитанников Макса Мюллера. Превосходны пассажи о роли философии позитивизма в развитии религиозного компонента нового японского интеллектуального пространства. Закономерно в п. 2.3. рассмотрена роль приглашенных иностранных специалистов в трансфере европейского научного инструментария, на примере немецких ученых – носителей национальной исторической школы. Мы совершенно согласны с акцентом изложения на теснейшей связи японского религиоведения и ранкеанской историографии. Историографический позитивизм хорошо коррелировал с конфуцианским доказательным изучением в текстовом анализе, а японское научное сообщество выработало и адаптировало западную терминологию, вырабатывая коррелянты из конфуцианской и буддийской философии. Параграф 2.4. посвящён статусу буддийского духовенства как межкультурного медиатора и роли его в академизации буддологических исследований. Параграф 2.5. посвящён буддийским организациям и издаваемым ими периодическим изданиям, образующим пересекающиеся сети. Показано, что трансфер оказывался двусторонним, поэтому западная общественность переосмысляла буддизм примерно в той же степени, что и японцы – западную научную и философскую проблематику. Именно в этой главе диссертантка доказывает гибридный характер рецепции, ибо кангаку и кокугаку органично соединились с идеями европейских школ, а не были заменены ими. Вполне логично и утверждение, что академизация буддологии в Японии является частным случаем глобализации науки как таковой.

Третья глава именуется «Завершение академизации японской буддологии и начало независимой научной традиции». В первом параграфе рассмотрены социально-политические аспекты изучения буддизма в первой трети XX в., т.е. позднего периода Мэйдзи и эры Тайсё. В соответствии со стадиями культурного трансфера, проблематика, рассмотренная в данной главе, относится к этапу рецепции. Постепенное расхождение путей академического сообщества и сангхи связывается автором с ростом авторитарного контроля над интеллектуальной жизнью и системы образования, это приводило и к выделению независимых буддологических научных школ в Японии. Одновременно происходили, как и во всём мире, активные процессы секуляризации и утраты сотериологической монополии

традиционных религий. Подъем националистических настроений привел к стремлению работать в рамках парадигм, развиваемых национальной, а не европейской наукой. Результатом стало формирование Токийской и Киотской школ, т.е. завершение институционализации буддологии как академической дисциплины. С формальной точки зрения Токийская школа являлась историко-филологическим объединением, а Киотская – философской, но буддологическое направление присутствовало в обеих структурах.

Соответственно, п. 3.2. Токийская религиоведческая школа рассматривается как автономная научная традиция, представленная в том числе учеными, принадлежавшими к буддийскому духовенству и не обучавшимися в Европе. Автор акцентирует отличительные черты Токийской школы, в первую очередь – приоритет текстологического направления и ряд методологических особенностей. П. 3.3. посвящён Киотской автономной традиции религиоведения, отмеченной приматом философского направления, ибо ее основатель Нисида Китаро дистанцировался от религиоведения в традиционном смысле. В Киото заметно более серьезное развитие китаеведческой буддологии, в отличие от токийской индологии. Изложение завершается 1930 г., будучи привязано к основанию национальной религиоведческой ассоциации.

Таким образом, мы видим труд полностью сложившегося успешного специалиста, отличающегося одновременно широтой эрудиции и методологической глубиной, позволяющей справиться с пластом разноплановых источников и историографических подходов. Мы не считаем необходимым сосредотачиваться на критике в негативном смысле этого понятия, а поставленные по ходу изложения вопросы не снижают достоверности авторских выводов и не снижают впечатления от работы. Тем не менее, обозначим своеобразные опечатки (чуть ли не на титульном листе или в слове «реконструировать» на с. 5) или стилистические ошибки, например, на с. 61 (неловкий оборот «появились в ходу»). Едва ли можно использовать к реалиям XVI в. термин «аффилированный», но всё же это мелочи, едва ли достойные внимания. Работа выполнена самостоятельно на солидном комплексе первоисточников и историографических источников, и является существенным вкладом в российскую историографию японской буддологии и истории развития гуманитарных наук. Подобраны интереснейшие материалы, диссертация легко читается, а немногие шероховатости незаметны.

Основные положения и выводы диссертации отражены в пяти публикациях автора, три из которых опубликованы в изданиях,

рекомендуемых ВАК. Материалы диссертации прошли апробацию в качестве докладов на научных конференциях и круглых столах. Автореферат диссертации в полной мере отражает её содержание, основные положения и выводы.

Диссертация Е.О. Новоселовой «Влияние западной исторической науки на формирование японской буддологии в конце XIX – начале XX вв.» соответствует требованиям пп. 9–14 действующего «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в редакции от 16 октября 2024 г.), её содержание соответствует паспорту специальности 5.6.2. Всеобщая история (п. 21), автор диссертационного исследования Евгения Олеговна Новосёлова заслуживает присуждения учёной степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. Всеобщая история.

Официальный оппонент:

Доктор исторических наук, профессор кафедры

Китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований

Высшей школы востоковедения «Восточный разряд»

Института международных отношений, истории и востоковедения

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Мартынов Дмитрий Евгеньевич

29.12.2025г.

Служебный адрес: 420111, Казань, ул. Пушкина, д. 1/55, к. 302.

Телефон: (843) 293-94-46

E-mail: imo@kpfu.ru

Официальный сайт: <https://kpfu.ru/Dmitry.Martynov>

Учёная степень: доктор исторических наук

Специальность: 07.00.03. – всеобщая история

